

18+

Михаэль Бабель

**МОЙ
ИЗРАИЛЬ**

Михаэль Бабель

Мой Израиль

«Издательские решения»

Бабель М.

Мой Израиль / М. Бабель — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-830068-4

Отец. Он не может не знать, что умирает, как бы от него ни скрывали. Но первый вопрос: «Как там?» И так всю жизнь. Как можно тише. Почти неслышно. Одними глазами. И вот приближается конец. Его глаза ещё способны выражать. А в глазах... Никогда мне не выразить это другими словами: Мы вернёмся к тебе, Иерусалим! И я накрываю его Звездой Давида, чтобы мир видел, что еврей, как бы он ни жил, всегда умирает евреем. И я читаю над ним молитву, чтобы мир слышал: Мы вернёмся к тебе, Иерусалим! Книга содержит нецензурную брань.

ISBN 978-5-44-830068-4

© Бабель М.

© Издательские решения

Содержание

Август 1971	6
Сентябрь 1971	7
Октябрь 1971	9
Ноябрь 1971	10
Декабрь 1971	11
Конец ознакомительного фрагмента.	12

Мой Израиль

Михаэль Бабель

© Михаэль Бабель, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero
4 августа 1971

Комитету по печати

Союзу писателей

«Литературной газете»

В июне 1971 года я подал заявку в восемь московских издательств с просьбой включить в план книгу под названием «Мой Израиль».

Четыре издательства – «Советский писатель», «Молодая гвардия», «Профиздат», «Наука» – не ответили. В три издательства – «Советская Россия», «Знание», «Московский рабочий» – пригласили и отказали устно. «Политиздат» известил, что предложенная мною тема «достаточно полно освещена в работах, выпущенных издательством, в частности – Ю. Иванов, „Осторожно: сионизм!“».

Сегодня, 4 августа 1971 года, когда мне отказали в заявке уже в восьмом издательстве, я пишу эти первые строки книги.

Я долго ждал этого момента, сомневался в своих силах, но ждал, потому что он не мог не наступить, этот момент, когда я наконец говорю: «Прощай, Россия. Мы ещё здесь, но в своих мыслях уже там, у себя дома. Там мы не раз скажем: „А помнишь?“ И наша память отберёт только лучшее. Такой мы тебя запомним».

И будет день, мы будем сидеть в доме, за окном будет шуметь еврейский город, мы будем воспринимать это как нереальность, с которой, быть может, и сойдём в могилу.

Нашим детям будут непонятны наши комплексы, они будут другие, многие из них оставят свой дом и разлетятся по обширной нашей земле, и куда бы их ни занесло, у них будет свой дом, в который они могут и не возвращаться, но этот дом будет, и будет у них другая судьба.

Август 1971

Я кручу колесо времени, оно то забрасывает меня вперёд на тридцать лет – каким будет новый век для нас, евреев? То – назад на девятнадцать веков к разрушенным стенам Иерусалимского Храма.

В первый раз было трудно крутить колесо времени, я был мал, – только отклонилось до задирын вчерашнего дня обид и завтрашнего, сулившего новые обиды, а потом, что ни день, снова крутил. И от частого пользования стёрлись на колесе времени задирины, лишь зарубины моего народа остались. По ним и кручу теперь.

Оставшихся в живых гнали, толкая оружием в спину. За спиной оставалась святая земля предков, впереди был весь мир, но без родной земли, то есть ничего. И когда, казалось, был потерян всякий смысл жизни, они обрели новый:

Мы вернёмся к тебе, Иерусалим!

И они шли по миру, строили чужие дома, выращивали чужие сады. А новый смысл жизни давал им силу и возможность жить.

Иногда им казалось, что строят они свой дом и выращивают свой сад, и нет никакого иного смысла жизни, как строить этот дом и выращивать этот сад. И когда они хотели чувствовать себя в нём как у себя дома, их гнали дальше. И вновь они шли по миру строить чужие дома и выращивать чужие сады. И вновь давал им силу и возможность жить завещанный предками смысл жизни:

Мы вернёмся к тебе, Иерусалим!

На земле есть столбы, на столбах – стрелки, на стрелках – названия известных городов мира и расстояния до них. Ставят эти столбы оригиналы и шутники, реже – чиновники. Возле столбов крутятся туристы, ищут стрелку с дорогим их сердцу городом, рассеянно и скоро смотрят в её направлении – там? Наверное, там, раз показывает стрелка. Долго щёлкают аппаратами, фиксируя множество нулей на стрелке.

А репортёры, кажется, уже исчерпали возможность удовлетворять подобный всеобщий интерес, запечатлев на голом острове с населением в несколько аборигенов столб со стрелками из выброшенных морем деревяшек.

Но на земле есть ещё один столб, поставленный моим народом, где бы он ни находился.

Но на земле есть ещё одна стрелка, вымеренная точным компасом – сердцем моего народа.

Но на земле есть ещё один город, расстояние до которого измеряется не множеством нулей, а силой мечты моего народа.

Отец. Он не может не знать, что умирает, как бы от него ни скрывали. Но первый вопрос: «Как там?» И так всю жизнь. Как можно тише. Почти неслышно. Одними глазами.

И вот приближается конец. Его глаза ещё способны выражать. А в глазах...

Никогда мне не выразить это другими словами:

Мы вернёмся к тебе, Иерусалим!

И я накрываю его Звездой Давида, чтобы мир видел, что еврей, как бы он ни жил, всегда умирает евреем.

И я читаю над ним молитву, чтобы мир слышал:

Мы вернёмся к тебе, Иерусалим!

Сентябрь 1971

На мою дочь неудержимо надвигается наш реальный мир, разрушая возведённый ею прекрасный замок её мира. И скоро у её ног окажутся груды обломков, и она горько заплачет, как плачут все дети мира над разрушенными своими творениями.

Но эти дети, в отличие от нее, ещё будут смеяться, полюбив суровую землю своих предков, оказавшуюся не для их прекрасных замков, – полюбив землю, каждый свою, такую, как она есть, потому что это, оказывается, их земля и другой нет, и надо жить и быть за неё в ответе уже перед своими детьми. И всем этим будут наполняться их глаза.

А глаза моей дочери будут наполняться скорбью моего народа, скорбью по неиспытанному чувству – главному в полноценной жизни человека – любить такую, как она есть, землю своих предков, тоже суровую, но свою.

И настанет день, когда она скажет:

Мы вернёмся к тебе, Иерусалим!

Из письма Расулу Гамзатову, автору книги «Мой Дагестан»:

«Моя дочь пришла с улицы и спросила: «Папа, а мы евреи?»»

Наверное, вот так же и я спросил у отца.

Теперь она принимает эстафету, ещё одно поколение принимает эстафету тысячелетий.

И вспоминаются строки из вашей книги: «Плохо воину, когда с саблями нападают на него сразу несколько человек. Он не может защитить себя одновременно и со спины и спереди. Но если найдётся скала, о которую можно опереться спиной, дела не так ещё плохи: ловкий и сильный боец может сразить и двух, и трёх врагов, если он опирается спиной о скалу. Дагестан и есть для меня такая скала. Он помогает мне выстоять в самые трудные минуты».

Но тогда, когда я ещё не был тем, кем стал сейчас, – я с этим не мог согласиться. Я хотел быть гражданином мира. Тогда мне были бы смешны строки из вашей книги: «Мой маленький Дагестан и мой огромный мир. Два ручья, которые сливаются в один поток, достигнув долины. Две слезинки, которые вытекают из двух глаз и текут по двум щекам, но рождены одним горем или одной радостью».

А я хотел быть гражданином мира, ведь мне не предлагали выбора.

Я садился в поезд, мчался и думал: пусть у меня будет так много поездов, что все и не упомнишь, и пусть они мчат во все стороны, во все края, во все земли. Прильнув к стеклу, я жадно всматривался в казахские степи и украинские сады, в белорусские леса и русские поля. Я всматривался, даже когда уже ничего не было видно, кроме моего отражения за окном. Что-то искал ещё и не мог найти.

Садился в лодку и греб. Забирался всё дальше и ловил быстрое цветение тундры на севере, запах тайги на востоке, солёные брызги моря на юге. Удивительная земля – всё в ней есть, а я ловил ещё что-то и не мог поймать.

Лез в горы, карабкался всё выше.

Было трудно, хотел опереться о скалу, но обо все скалы уже опирались.

«Опирайся обо все сразу», – давали мне добрые советы, устраиваясь поудобнее.

А я лез выше.

Выше от земли, разделённой земли, по кусочкам разобранной.

Выше – чтобы ничего не видеть.

Выше – чтобы ничего не слышать.

Выше – не хотел ничего знать.

Но выше – только небо.

Одно оно на всех.

А я не Б-г – жить в небе.

Я просто человек.

И спустился на землю, на ту часть земли, куда меня занесли ветры двух тысячелетий. Но прежде чем вернуться на землю, окинул взглядом всю её. Отсюда она казалась нагромождением скал, о которые опираются спиной.

И отыскал свою скалу – Стену Плача. Грубые камни и травинки торчат из щелей между ними.

Раньше я никогда не плакал.

Я не мог не отыскать свою скалу, потому что у каждого человека есть своя скала, о которую можно опереться, – иначе не было бы этого человека.

И в который раз всплывают теперь уже прекрасные строки из вашей книги: «Отчего же сейчас, когда я снова увидел эти семьдесят саклей, приютившихся у подножия скал, сердце мое раскачалось в груди так, что больно рёбрам, в глазах моих затуманилось и голова закружилась, будто я болен или пьян?»

И у меня есть не меньшее чудо – мой Израиль, мечту о котором донесли во мне сотня поколений. Это во имя их и нас я хочу прижаться к «Стене Плача» моего народа».

К этому приходят, рано или поздно.

Каждый сам, своим путём.

И в этом сила неодолимая народа моего, идущего к Иерусалиму:

Мы вернёмся к тебе, Иерусалим!

Октябрь 1971

И снова кручу колесо времени.

Каторжный труд – крутить колесо времени моего народа, махину, отяжелевшую под страшным грузом прошлого.

У каждого народа есть своё колесо времени, но для многих оно счастливо застопорено в сегодняшней устойчивости, и поглаживают, и похлопывают его с самодовольством собственника, иначе не могущего родиться.

А я кручу колесо времени.

Оставшиеся в живых уходили. За спиной оставались погромы, душегубки, ямы с заживо закопанными, костры с заживо сожжёнными. Впереди были только слёзы. И они несли их по миру; и не было земли, способной впитать их слезы.

И сколько надо было испытать горя, чтобы обозначилась впереди Стена Плача и от горя к горю становилась ближе, и стало жизненно необходимо принести к ней это горе – как сокровище и как жёсткую плату за возможность прижаться к ней.

И сколько надо было пролить слёз, чтобы возникли из них потоки и хлынули к Стене Плача, камни которой способны впитать море слёз.

И вот она близко, Стена Плача моего народа, – грубые камни и травинки торчат из щелей между ними.

Осталось несколько шагов.

Но ноги, как прикованные.

Кажется, можно дотянуться.

Но руки, как связанные.

Последние шаги.

Самые трудные.

И будем плакать.

И высохнут наши глаза, как на груди матери высыхают глаза прижавшихся к ней детей.

Мы придём к тебе, Стена Плача!

Ноябрь 1971

И снова кручу колесо времени моего народа от зарубины к зарубине. О каждой из них, как о музейном экспонате, известно всё: что было, когда было, где было, скольких не стало. И как в музее, где ничего не меняется на веку человека и после прохождения школьной программы делать вроде бы нечего – разве при случае забежать укрыться от дождя и побродить из зала в зал, от экспоната к экспонату, поглядывая в окно, не прошёл ли дождь, – так и на колесо времени можно повесить табличку «музей».

Но чтобы сдвинуть вперед эту махину из горя и слёз и в будущем ощупать неровности – нет ли новых зарубин моего народа, – приходится сначала отклонить её назад, сжав горе и слезы в мощную пружину, – лишь так можно ворваться в непроницаемое будущее – огромным напряжением на пределе человеческой возможности. Ноги не держат, руки опускаются на колени, голова ложится на руки.

И толкаемый горем и слезами, ощущая каждую зарубину моего народа как свою, врываюсь в будущее и чувствую какие-то неровности – не новые ли это зарубины моего народа?

Оставшиеся в живых крутили колесо времени от зарубины к зарубине. Это их единица времени, с ней они родились, по ней отличаются. Она нарушает их связь с этим миром, в котором другие единицы времени – дни, годы, века, которые плавно текут и переходят: дни – в годы, годы – в века, века – в вечность.

Незамысловатые ходики – их переводят, подкручивают, – вот и кончился день, а завтра – будет новый. И так будет в этом мире и завтра, и послезавтра. И для живущих в этом мире это означает – жизнь.

А они, со своей единицей времени, оказываются вне этой жизни, простой и понятной, но им недоступной.

Вроде бы и у них прошёл день, но они его не ощущают, потому что не было в нем зарубин их народа. Вроде бы и они ждут завтра, но ждут не новый день, а будет ли новая зарубина их народа?

И так из поколения в поколение – не живут, а присутствуют от зарубины до зарубины.

Незамысловатые ходики – что означает их время, когда просыпаешься не в своем доме? Может быть, хозяева дома недовольны, что рано встал и нарушил их сон, а может быть, они недовольны, что до сих пор не встаешь? Прислушиваешься к каждому скрипу, шороху, пытаешься разобраться, что происходит в доме, в котором присутствуешь.

Но однажды мы проснёмся и увидим те же незамысловатые ходики – часы нашего дома. И с первой секундой нового дня мы впервые ощутим, что то, что с нами может произойти, произойдёт, как происходило, происходит и будет происходить с каждым в его собственном доме.

И эти первые ощутимые секунды начнут складываться в ощутимые минуты, часы, дни, годы, века. И восстановится наша связь с миром, в котором те же самые единицы времени, что и у нас.

И мы начнем жить.

Декабрь 1971

Я кручу колесо времени, чтобы ворваться в будущее и ощупать неровности – нет ли новых зарубин моего народа, а оказываюсь в нашем доме: неровности есть, но зарубин нет. Только на пороге нашего дома есть какие-то неровности – не они ли зарубины? Значит, в будущем мы уже переступили и такой порог, – никому еще не давался легко свой дом, а нам это будет особенно нелегко, потому что мы сознаем себя только теми, кто мы есть.

Мы будем сознавать это, пока тянется за нами через века сплошная зарубина из обвинений в убийстве, предательстве, коварстве, шпионаже, вредительстве, агрессии, неурожаях, болезнях, политических неурядицах, экономических трудностях и вообще в сговоре с всякими тёмными силами против всяких светлых сил.

Мы будем сознавать это и поднимаясь на порог нашего дома.

Но, уже переступая порог нашего дома и всё ещё сознавая себя теми, кто мы есть, мы впервые начнем обретать земное счастье: сознавать себя людьми, как сознают себя итальянцы в Италии, русские в России, греки в Греции.

И если в нашем доме случится голод, мы будем голодать.

И если на наш дом нападут, мы будем защищаться.

Но отчего это у тебя? как? когда? – спрашивают глаза мамы, а в них смешались радость, страх, гордость.

Мама, она все понимает, это она себя спрашивает.

Плачь, мама, ведь это счастье, что возвращается высший смысл нашей жизни, который должен нам помогать.

Но не плачь, что он возвращается только сейчас.

Из письма Мариэтте Шагинян, автору книги «Человек и время»:

«Не смущает такая заданность книги: «И на меня нахлынули гены тысячевекового бродяжничества армян по лицу нашей земли, постоянного снятия с этой земли всем домом и скарбом, заселения новых земель, их любовного обхаживания, их покрытия садами и снова снятия, передвижения... с вечной стабильностью мечты о родине, звездой освещающей путь вечных передвижений. Я очутилась в царстве генов, разноголосица которых забила мне уши, как морской шум забивает раковину».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.